

The image features a minimalist, abstract composition. A large, light gray circle is positioned in the upper right quadrant. A solid gray line runs diagonally from the top left towards the bottom right, passing through the circle. A dashed gray line runs parallel to the solid line, positioned below it. In the center, the text 'МИРЫ ХАРУКИ МУРАКАМИ' is displayed in a bold, black, sans-serif font. The background is white, and the overall aesthetic is clean and modern.

**МИРЫ
ХАРУКИ
МУРАКАМИ**

ХАРУКИ МУРАКАМИ

СЛУШАЙ ПЕСНЮ ВЕТРА
ПИНБОЛ 1973

Москва
2023

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
М91

Murakami Haruki
Kaze no uta wo Kike
1973-nen-no pinbooru

Copyright © Haruki Murakami, 1979, 1983

Перевод с японского *Вадима Смоленского*

Мураками, Харуки.

М91 Слушай песню ветра ; Пинбол 1973 / Харуки Мураками ; [перевод с японского В. Смоленского]. — Москва : Эксмо, 2023. — 304 с.

ISBN 978-5-04-170030-0

Харуки Мураками (р.1949) — самый известный из ныне живущих японских писателей, автор полутора десятков книг, переведенных на многие языки мира. «Слушай песню ветра» (1979) и «Пинбол 1973» (1983) — два первых романа «Трилогии крысы», знаменитого цикла писателя, завершающегося «Охотой на овец» (1988) и продолженного романом «Дэнс, Дэнс, Дэнс» (1991).

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-170030-0

© В. Смоленский, перевод на русский язык, 2023
© М. Немцов, послесловие, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

1

«Такой вещи, как идеальный текст, не существует. Как не существует идеального отчаяния».

Это сказал мне один писатель, с которым я случайно познакомился в студенчестве. Что это означает на самом деле, я понял значительно позже — а тогда это было неплохим утешением. Идеальных текстов не бывает — и все.

Тем не менее, как только дело доходило до того, чтобы написать что-нибудь, на меня накатывало отчаяние. Потому что круг возможных тем был ограничен. Например, про слона я еще мог что-то написать, а вот про то, как со слонем обращаться, — уже вряд ли. Такие дела.

Восемь лет передо мной стояла эта дилемма. Целых восемь лет. Срок немалый.

Но пока учишься чему-то новому, стареть не так мучительно. Это если рассуждать абстрактно.

С двадцати с небольшим лет я все время стараюсь жить именно так. В ответ — бессчетные оплеухи, непонимание, обман, но в то же время — и драгоценный опыт. Приходили какие-то люди, заводили со мной разговоры, с грохотом проносились надо мной, как по мосту, и больше не возвращались. Я же сидел тихо, даже рта не открывал. И так встретил последний год, который оставался мне до тридцатника.

А сейчас думаю: дай-ка расскажу.

Конечно, это не решит ни одной проблемы, и, боюсь, после моего рассказа все останется на своих местах. В конце концов, тексты пишутся не для самоисцеления, а только ради слабой попытки на этом пути.

Однако, честно все рассказать чертовски трудно. Чем больше я стараюсь быть честным, тем глубже тонут во мраке нужные слова.

Я не собираюсь оправдываться. По крайней мере, лучше я пока написать не могу. Прибавить нечего. А еще вот что я думаю. Вдруг, забравшись в будущее — на несколько лет или даже десятилетий, — я обнаружу, что спасен? Тогда мои слоны вернутся на равнину, и я найду для мира слова красивее нынешних.

В сочинении текстов я многому научился у Дерекса Хартфильда. Можно сказать, всему. Сам Хартфильд, к сожалению, был писателем во всех отношениях бесплодным. Если читаете, сами увидите. Корявый текст, дурацкие темы, неуклюжие сюжеты. Однако, несмотря на все это, он был из тех немногих писателей, которые могли из текста сделать оружие. Современникам — таким, как Хемингуэй или Фитцджеральд, — он определенно не уступал в боевой выправке. Просто ему, Хартфильду, до конца дней не удалось найти противника. Собственно, в этом и состояло его бесплодие.

Восемь лет и два месяца он вел эту бесплодную битву, а потом умер. Солнечным воскресным утром в июне 1938 года, держа в правой руке портрет Гитлера, а в левой — зонтик, он прыг-

нул с крыши «Эмпайр-Стейт-Билдинг». Его смерть, равно как и жизнь, особых разговоров не вызвала.

Первая книга Хартфильда попала мне в руки случайно — они не переиздавались. Я заканчивал тогда среднюю школу и страдал от кожной болезни в паху. Книгу мне подарил дядя, а через три года он заболел раком кишечника. Его искромсали вдоль и поперек, напихали пластиковых трубок во все входы и выходы — он намучился и умер. Когда я в последний раз видел его, он напоминал хитрую обезьянку, коричневую и сморщенную.

Всего у меня было три дяди — еще один умер в предместьях Шанхая. Через два дня после окончания войны он наступил на им же закопанную мину. Единственный дядя, оставшийся в живых, стал фокусником и ездит с выступлениями по курортам.

Хартфильд так высказался о хорошем тексте: «Процесс написания текста есть не что иное, как подтверждение дистанции между пишущим и его окружением. Не чувства нужны здесь, а линейка». («Что плохого, если вам хорошо?», 1936 г.)

Зажав в руке линейку, я начал робко осматриваться. Дело было в год смерти президента Кеннеди — выходит, прошло уже пятнадцать лет. Целых пятнадцать лет я был занят тем, что выкидывал всё и вся. Как из самолета с отказавшим мотором для облегчения веса выбрасывают сначала багаж, потом сиденья, а в конце кон-

цов — несчастного бортпроводника, — так и я пятнадцать лет выкидывал всякую всячину. Но взамен почти ничего не получил.

Нет уверенности, что я все делал правильно. Стало легче, это да — но жутко при мысли о том, что останется от меня, когда придется встретить смерть. После кремации — неужели одни косточки?

«Когда душа темна, видишь только темные сны. А если совсем темная — то и вовсе никаких». Так говорила моя покойная бабушка.

В ночь, когда бабушка умерла, я протянул руку и тихонько закрыл ей веки. В это мгновение сон, который она смотрела семьдесят девять лет, тихо закончился, как короткий летний дождь, бивший по мостовой. Не осталось ничего.

И еще насчет текста. Последний раз.

Создание текста для меня — процесс мучительный. Бывает, за целый месяц ничего путного из себя не выдавить. Еще бывает, что пишешь три дня и три ночи — а написанное потом все истолкуют как-нибудь не так.

Но вместе с тем, писать текст — это штука веселая. Ей гораздо легче придать смысл, чем преодолению жизни.

Когда подростком я обратил на это внимание, то так удивился, что целую неделю ходил обалдевший. Казалось, стоит чуть пошевелить мозгами, как весь мир поменяет ценности, время потечет по-другому... Все будет, как я захочу.

То, что это ловушка, я обнаружил значительно позже. Разделив блокнот линией на две половины, я выписал в правую все, чего достиг за это время, а в левую — все, что потерял. Потерял, растоптал, бросил, принес в жертву, предал... До конца перечислить так и не смог.

Между нашими попытками что-то осознать и действительным осознанием лежит глубокая пропасть. Какой бы длины линейка у нас ни была, эту глубину нам не промерить. Все, что я могу передать на бумаге, — не более, чем перечень. Никакой не роман, никакая не литература — вообще не искусство. Просто блокнот, разделенный надвое вертикальной чертой. А что до морали — ну, может, немножко будет и ее.

Если же вам нужны искусство и литература, читайте греков. Ведь для того, чтобы родилось истинное искусство, совершенно необходим рабовладельческий строй. У древних греков рабы возделывали поля, готовили пищу и гребли на галерах, а горожане в это время предавались стихосложению и упражнениям в математике под средиземноморским солнцем. И это было искусство.

А какой текст может написать человек, посреди ночи роющийся в холодильнике на пустой кухне? Только вот такой и может.

Это я о себе.

2

История началась 8 августа 1970 года и закончилась через 18 дней — то есть, 26 августа того же года.

— ВСЕ БОГАТЫЕ — ГОВНЮКИ!

Крыса выкрикнул это мрачно, упираясь локтями в стойку и повернув голову ко мне.

Не исключено, что слова предназначались какой-нибудь кофемолке у меня за спиной. Я сидел рядом, и специально орать необходимости не было. Так или иначе, но после вопля Крыса принял довольный вид и снова принялся за пиво.

Впрочем, никто вокруг и не слышал, как Крыса кричал. Тесное заведение было битком набито посетителями, и все орало точно так же. Зрелище напоминало тонущий пароход.

— Паразиты! — сказал Крыса и тупо помотал головой. — Они ведь, сволочи, сами ничего не могут. Как увижу богатую харю, так прямо с души воротит.

Я кивнул, не отрываясь от стакана со слабым пивом. Крыса замолк и уставился на свои тощие пальцы, поворачивая руки то так, то этак — будто грел у костра. Я смиренно поднял глаза к потолку. Пока он не проведет ревизию всех десяти пальцев, одного за другим, разговора не получится. Всегда так.

За лето мы с Крысой выпили 25-метровый бассейн пива и покрыли пол «Джейз-бара» пяти-

сантиметровым слоем арахисовой шелухи. Если бы мы этого не делали, то просто бы не выжили, такое скучное было лето.

Над стойкой «Джейз-бара» висела гравюра, вся выцветшая от табачного дыма. Когда бывало нечем заняться, я глазел на нее часами, и она не надоедала мне. Изображение на ней подошло бы для теста Роршаха. Я, например, видел двух зеленых обезьян — они сидели друг напротив друга и перекидывались двумя сдутыми теннисными мячиками.

Когда я сказал об этом бармену Джею, он внимательно посмотрел на гравюру и флегматично произнес:

— Обезьяны так обезьяны...

— А ты что видишь? — допытывался я.

— Левая обезьяна — это ты, а правая — я. Я бросаю тебе пиво, а ты мне — деньги.

Я допивал пиво под глубоким впечатлением от сказанного.

— Тошнит меня от них!

Это Крыса закончил инспекцию своих пальцев и вернулся к разговору.

Богатых Крыса ругал не в первый раз — он их и вправду ненавидел. Сам был из семьи далеко не бедной — но, стоило ему об этом напомнить, отвечал: «Я же не виноват, что так вышло!». Иногда (чаще — перебрав пива), я говорил: «Нет, ты виноват!» — и после чувствовал себя препогано. В словах Крысы все же была доля истины.

— А знаешь, почему я богатых не люблю?

В тот вечер Крыса решил развить тему. Так далеко этот разговор еще не заходил.

Я помотал головой — не знаю.

— Потому что, вообще говоря, богатые совсем мозгами не шевелят. Без фонаря и линейки они и жопу себе почесать не смогут.

«Вообще говоря» было у Крысы излюбленным выражением.

— Понятно.

— Эти сволочи о главном не думают. Прикидываются только, что думают. А все почему?

— Ну, почему?

— Не надо им это. Конечно, чтобы стать богатым, голова немножко нужна. А чтобы им оставаться — уже нет. Это как спутник — ему тоже бензина не надо. Знай себе крутись. А я — не такой, и ты тоже не такой. Нам, чтобы жить, надо обо всем думать. От завтрашней погоды — и до размера затычки в ванной. Правильно?

— Ага.

— Ну вот.

Сказав все, что хотел, Крыса достал из кармана салфетку и со скучающим видом прочистил нос. Я никогда не мог понять, где он серьезен, а где нет.

— Но ведь, в конце концов, все умрут, — закинул я удочку.

— Само собой. Все когда-нибудь умрут. Но до этого надо еще полсотни лет жить. А жить пятьдесят лет, думая, — это, вообще говоря, гораздо утомительнее, чем жить пять тысяч лет, ни о чем не думая. Правильно?

А ведь правильно...

4

Я познакомился с Крысой три года назад, весной, когда мы поступили в университет. Оба сильно напились, и уже не вспомнить, по какому поводу, в пятом часу утра оказались в его черном шестисотом «фиате». Наверное, захотели кого-нибудь навестить.

Так или иначе, мы были пьяны в дым. Вдобавок, стрелка спидометра показывала восемьдесят. Нас спасла только улыбка Фортуны: снеся парковую ограду, пропахав клумбу рододендронов и со всего размаху въехав в каменный столб, мы не заработали ни ушиба.

Придя в себя, я вышиб ногой поломанную дверь и вылез наружу. Крышка капота отлетела метров на десять и приземлилась у клетки с обезьянами, а передок «фиата» вогнулся точно по форме столба. Грубо разбуженные обезьяны страшно негодовали.

Крыса сидел, вцепившись обеими руками в руль и согнувшись пополам, — но не потому, что повредил себе что-то, а потому что блевал съеденной час тому назад пищей на приборную доску. Я забрался на крышу и через люк заглянул внутрь.

— Ты как?

— Да ничего... Малость перепил только. Блюю...

— Вылезти можешь?

— Если вытащишь.

Крыса заглушил двигатель, взял с приборной доски пачку сигарет и сунул ее в карман. Потом схватился за мою руку и медленно выбрался наружу. Сидя на крыше «фиата» и глядя на начинавшее белеть небо, мы выкурили по нескольку сигарет. Мне почему-то вспоминался фильм про танкистов с Ричардом Бёртоном в главной роли. Уж не знаю, о чем думал Крыса.

— Да-а-а... — сказал он минут через пять. — Повезло нам с тобой. Ты подумай, ни царапины. Разве такое бывает?

— И не говори, — ответил я. — Только машине-то, наверное, кранты?

— Да бог с ней. Машину можно новую купить. Везение не купишь!

Я с удивлением посмотрел на него.

— Ты что, богатый?

— Похож, да?

— Так это же хорошо...

Крыса не ответил, только недовольно потряс головой. И повторил:

— А все-таки нам с тобой повезло.

— Это точно...

Затоптав сигарету, Крыса щелчком пальца забросил окурок в клетку к обезьянам.

— Слушай, — сказал он, — может, нам с тобой объединиться в команду? Мы, за что ни возьмемся, все так славно получается!

— А с чего начнем?

— Давай пиво пить.

В автомате неподалеку мы купили с полдюжины банок и побрели к морскому берегу. Растянувшись на пляже, все выпили и стали смотреть на море. Погода была замечательная.